

43
12

За власть Советов

С Ш И Х И

ОГНЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1948

2727

士力

[illegible]

66
Смело мы в бой пойдём
За власть Советов
И как один умрём
В борьбе за это.

(Из старой партизанской
песни)

Конст. Седых

10
СВАДЬБА

715
За сосновый настил моста
Убегала шестая верста,
И летела в лицо седьмая,
Полосатая и косая.

Часто вспугивая с бугров
Белокрылых даурских дроф,
В травы ржавые, белотал
Поезд свадебный улетал.

В залихватском колёсном гаме,
Как весной поутру скворцы,
Тараторили под дугами
Раскалённые бубенцы.

В загорелых руках ликуя,
В медь окованная гармонь

АНГАРСКАЯ
ГОРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Приисковую плясовую
Уносила в степную сонь.

Ленты, купанные в пыли,
В жёстких гривах коней цвели.
И пьяным-то пьяны с утра
Пели рослые шафера.

А жених, чей чубарый чуб
Вился в кудерь, свисал до губ,—
В тарантасе дремал сычом,
Девку-ягоду жёг плечом.

За увалами полевыми,
За пологими, сквозь кусты,
Близко, близко поплыли в дыме
Церкви бронзовые кресты.

И отчаянные возницы
Гиком, выстрелами бичей
В утро праздничное станицы
Борзых бросили гривачей.

Над плетнями, как волчий глаз,
Не к добру зажелтел лампас:
Вахмистр с пепельной бородой
Поднял руку и гаркнул: «Стой!»

В гимнастёрках зелёных хаки
Все матёрые, что кряжи,
Дружно высыпали казаки,
Поезд свадебный окружив.

Сотник с шашкою в серебре,
С парабеллумом в кобуре
Помянул по-казацки мать
И скомандовал: «Обыскать!»

Тут пьянёхонькие с утра
Сразу вытрезвели шафера,
Головою жених мотнул,
Гришке-шаферу подмигнул.

И роняя папаху в лентах,
Гришка пасмурный парень-хват
Из-под старенького брезента
Вскинул на руку автомат.

А за Гришкою, встав, как черти,
Поезжане с грозой в глазах,
Начинённые гулом смерти
Бомбы стиснули в кулаках.

Даже крашенная невеста,
Девка рыжая, сущий бес,
Из неведомого места
Лихо выхватила обрез...

Закипела гульба на славу,
Завертелась жгутами пыль;
У волнистых плетней в канаву
Люди падали, как снопы.

Люди падали, словно в поле
Под литовкою сарана,
Знать, досталась и им на долю
Чарка свадебного вина...

В окровавленной мчал рубахе
По станице переполох,
И раскачивались папахи,
Словно в бурю чертополох.

Чёрной ласточкою влетела
Бомба в горницу кувырком—
Захрипел генерал дебелый
В луже огненной под столом.

Он поднялся. Он мутным оком
Одичавшей глядел совой,
Как звенели в проломах окон
Тройки скачкою вихревой.

Рвали в стороны пристяжные,
И горланящие ура,
Привиденьями плыли злые,
Бомбы сжавшие шафера.

А над гривами троек диких
В жизнь ликующую, в туман
Улетало на древке пики
Знамя нерчинских партизан.

В ДЕВЯТНАДЦАТОМ

Над рекой излучистой кривые
Вымершие улицы села,
Сметены снарядам расписные
С церкви обветшалой купола.

На полях пустынных и туманных
Душат хлеб густые сорняки:
Поголовно ходят в партизанах
Сумрачные, злые мужики.

И на всех таёжных перегонах,
Озаряя клочья темноты,
В облака летят, гремя, вагоны,
Каменные рушатся мосты.

Жгут тайгу из пушек дальнобойных
Броневые вражьи поезда,
Но горит везде на шапках знойно
По Сибири алая звезда.

ХОЛМ

По безветрию степному
Шёлковые ковыли
Рады небу голубому
Грустной радостью земли.

В день ненастный вдоль дороги
Шумно цвёл за взрывом взрыв.
После боя холм пологий
Встал на сумрачный обрыв.

В нём погибшие в атаке,
В конном ветре на мысок,
Спят червонные казаки
Головами на восток.

Тишина. Во мгле лиловой
Не возникнет зычный гик,
Не блеснут в степи сурово
Крашенные древки пик.

От Байкала до Онона
Мирно устлана земля
Алым золотом пионов,
Зыбкой охрой ковыля.

Да гремит под небом ясным
Забайкалья, как гроза,
В песнях молодости красной
Слава павших партизан.

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Вешней сыростью
Тянет от речки,
В небе грифельном
Крики гусей...

На прохладном
Зелёном крылечке
Дед Касьян
Угощает гостей.

Бродит в жбане
Ячмённая брага,
Тускло искрится
Четверть с вином,

Как кузнечик
Трещит верещага,

Стынет в масле
Зажаренный сом.
 За широким столом
 У Касьяна
Боевые друзья
Собрались,
 Их учила
 Клинком и берданой,
Кровью метила
Грозная жизнь.
 На пути их,
 Как вежи живые—
Газимур, Харанор
И Богдаты.
 Раны рваные,
 Шрамы косые
Не дают
О былом забывать.
 И встаёт
 Пров Ильич длинноусый
И почтить предлагает
Бойцов,
 Что погибли
 В бурятских улусах
И в глуши
Урюмканских лесов.
 У Сысоева
 Речи простые,
Но щемят они сердце,
Щемят.
И у каждого
Слёзы скупые

Блещут в тёмных морщинах,
Как град.
Он повёл
Поседевшую бровью,
Глухо вымолвил,
Сжав кулаки:
«Заплатили мы
Нашею кровью
За сегодняшний день,
Старики.
Нас тайфуном
Встречало Приморье,
Засыпала песками
Урга,
С ледяной крутизны
Белогорья
Загоняла в ущелья
Пурга.
Мы врагов наших
Грудью встречали,
Отражая
Любую напасть,
И в неравных боях
Отстояли
Мы родную
Советскую власть.
Честь и слава,
Друзья, нам за это
По заслугам
Отчизной даны,
Наше мужество
В песнях воспето,

Нашим прошлым
Гордятся сыны.
 Но дороже нам
 Прежней заслуги,
Что и нынче
На тихих полях
 По широкой
 Пшеничной округе
Ходит слава
О наших делах.
 Я горжусь,
 Что у деда Касьяна
Триста семьдесят пять
Трудоднев,
 Что соратник мой
 Фёдор Степанов
Холит дюжих
И резвых коней».
 Пров Ильич рассмеялся
 И поднял
Полный браги
Гранёный стакан:
 «За коней твоих,
 Фёдор, сегодня
И за пчёл твоих
Выпьем, Касьян».
 И содвинулись дружно
 Стаканы...
Под тесовым навесом
Крыльца
 Выпивали
 Друзья-гулеваны

И беседу вели
Без конца.
 День им солнцем
 Улыбчивым светил,
Низко кланялись
Ветви берёз.
 Из полей налетающий
 Ветер
И прохладу и свежесть
Им нёс.

СИВАЯ БОРОДА

В красных валенках с разводами
 Дед выходит из ворот,
По тропе за огородами
 В поле чистое идёт.

Не напрасно дед сутулится—
 Как-никак, сто восемь лет
Ходит он по нашим улицам,
 Видит этот белый свет.

Он гулял на свадьбах правнуков
 И праправнуков крестил,
Он в двадцатом на Семёнова
 Эскадрон родни водил.

Острой шашкой, пикой длинною
 Он владел, как молодой,

И за бороду аршинную
Звался «Сивой бородой».

По станицам и зимовникам
В те недавние года
Есаулам и полковникам
Снилась эта борода...

В тихом поле рожь колышется,
И шумит усач-ячмень,
И легко там летом дышится
Даже в самый душный день.

По меже, заросшей розовым
Перепутанным вьюнком,
Дед идёт, стуча берёзовым
О камня бодожком.

Сладив кое-как с одышкою,
Он выходит на мысок,
Под игольчатой шипишкою
В тень садится на песок.

И глядит в поля огромные,
Где весь день из лога в лог
По пшенице волны тёмные
Ходят вдоль и поперёк.

Видит он, как строят плотники
На краю села амбар,
Как отменные работники
Тракторами пахут пар.

И в любой избе с отрадою
Будет принят нынче дед.
Заявись—вином порадуют,
Соберут на стол обед.

Полным именем и отчеством
Всё село его зовёт
И на праздниках в президиум,
Хошь не хошь, а изберёт.

В светлых думах сердце греется,
Бодро смотрит старина,
Словно выпил он немалую
Чарку доброго вина.

Он сидит, пока над сопкою
Алый день не догорит,
А потом зелёной тропкою
В дом под тополем спешит.

Он идёт назад по улице,
И везде, у всех ворот,
С ним здоровается весело
И почтительно народ.

—

КОЛХОЗ ИМЕНИ ТЕЛЕГИНА

Там, где сопок палевые кручи
Хмарой ледяной заволокло,
Синим дымом подпирает тучи
Длинное сибирское село.

Избы, огороды и заборы
Тянутся по белому бугру,
И над колокольнею собора
Красный флаг трепещет на ветру.

По заречью—скал замшелый камень
И в жемчужной кухне сосняки.
Там в двадцатом дробью и гвоздями
Били интервентов мужики.

И водил в ночные их набеги
На японцев, чехов и румын
Бывший унтер Гавриил Телегин,
Машиниста борзинского сын.

Разрывною пулею убитый,
Унтер спит на сопке у берёз...
А в селе сегодня—знаменитый
Имени Телегина колхоз.

Славен он лихими табунами
Холеных лоснящихся коней,
Он гордится тучными хлебами—
Щедрой данью солнечных полей.

В облаках хрустальной снежной пыли
По степи родной во все концы
Носятся его автомобили.
В куржаке они, как кони в мыле,
И ведут их гордые юнцы.

Укреплённый Сталинским уставом,
Он живёт счастливою семьёй,

Делом чести, доблести и славы
Стал в нём труд профессии любой.

И по-настоящему весёлой
Стала жизнь богатых новых лет:
Чуть не в каждом доме здесь вибратора,
В каждом пятом здесь велосипед.

А наступит вечер синеватый,
Зимний вечер—долгий в том краю,—
В клуб шагая, парни и девчата
О любимой родине поют.

Хороша их песня молодая.
Радостью высокою полна.
Эта песня соколом взлетает,
Как морская катится волна.

Услыхав в ликующих раскатах
Голоса звенящие детей,
Песню ту подхватывают в хатах
Голоса отцов и матерей:

...В синем небе на просторе
Над родимую страной
Огневые тают зори,
Веет ветер полевой.

В городах её и сёлах,
У морей и светлых рек.
Строит жизнь свою с весёлой
Песней вольный человек.

Холит он сады и нивы,
Любит солнце и цветы,
Явью делая счастливой
Сокровенные мечты.

Но в часы тревоги бранной
Он бесстрашно поведёт
На врага во мгле буранной
Танк иль красный самолёт.

Ив. Молчанов-Сибирский

ГОЛУБИ НА ПОДОКОННИКЕ

Почему-то часто на рассвете
Город кажется прозрачней, голубей.
Мы с большою радостью, как дети,
Поджидаем сизых голубей.

А когда заря по переулку
Хлынет в синий водоём,
Для друзей мы крошим мелко булку
И крупу любовно выдаём.

Слушаем. Воркуют:—Гули-гули...
И сидят, как гости, на крыльце.
Вспоминаем: в огненном июле
Городок был в огненном кольце.

Выдали последние патроны.
— Берегите, а не то—конец.
Вновь ушёл по тропке за вагоны,
Не вернулся и шестой гонец.

Пулемёты застучали часто,
Где-то крики;

— В битву, не робей!
В штаб заходит мальчуган вихрастый
С парой сизокрылых голубей.

.....

То ли коршун, то ли пуля сбила,
То ли ветер был жесток,
Только не вернулся сизокрылый
К мальчугану в городок.

А второй летел по мелколесью.
От людей, от птицы хоронясь,
Он вернулся с радостною вестью:
Установлена с отрядом связь.

Милые, давно все это было.
Жалко, голуби не говорят.
День прошёл, и вот ударил с тыла
Красной Армии отряд.

Обнимали осаждённых конники,
Выступали в новые бои...
Потому-то голуби на подоконнике
Добрые друзья мои.

СКАЗ О БОНИВУРЕ

Говорят, в ту ночь звезда погасла,
Что упала за крутой горой,
Из села на выходе, у прясла
Был он схвачен белою ордой.

АНГАРСКАЯ
городская
БИБЛИОТЕКА

На рассвете смелого не стало,
Он погиб от пули и ножа.
Тихо падал маленький и талый
Снег в сугроб, где Бонивур лежал.

* *
*

Он на Западе родился, где-то
В маленьком еврейском гетто,
После злого, лютого погрома:
Ни родных, ни родины, ни дома.

Каждый день и горький и печальный
Мчался, словно по ветру листок,
Но однажды родиной стал Дальний
И любимый горячо Восток.

Хорошо Советское Приморье.
Жить, работать на родной земле.
Как в семье, в совете, в комсомоле—
Всяких дел по горло на селе.

Были там пришельцы из-за Дона,
Бедняки далёких волостей,
По душе пришёлся он «чалдонам»
Худощавый, маленький еврей.

С виду щуплый, а в работе дюжий,
День-деньской—на кузне, у мехов;
С партизанами берёт оружие
На захватчиков, на беляков.

Из деревни он с отрядом вышел,
Да вернулся документы сжечь.

Сжѣг дела. С крыльца спустился. Слышит
Конский топот и чужую речь.

* *

Кулаками грузными стучали,
Есаул расстѣгивал кобур:

— Как зовут?

Сказал:

— Виталий.

— Как фамилия?

Ответил:

— Бонивур.

— Где ячейка, где дела, где склады?
Сознавайся, может, пощажу.

— Мне не нужно никакой пощады,
Ничего я вам не расскажу...

Привязали паренька у прясла,
Вьюга выла в Тигровой пади...
Говорят, в ту ночь звезда погасла,
Но горела на его груди.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВЕЧЕРНЯЯ

Ты подуи, подуи, погодушка,
Ты подуи, подуи, немалая,
Подними, развей, погодушка,
Наше знамя, знамя алое.

Ты развей, развей, погодушка,
Тучи сизо-чернокрылые,
Помоги ты нам, погодушка,
Бить врага постылого.

Год за годом рысью гонится,
За деревней глохнет полюшко...
Скоро сила наша тронется
И вернётся снова волюшка,

Мы богатым—не работники,
Мы заморским—не услужники,
Мы таёжные охотники,
Зверобой мы и плужники.

Ты подуй, подуй, погодушка,
Ты подуй, подуй, немалая,
Ты развей, развей, погодушка,
Наше знамя, знамя алое.

РАЗРЕШЕНИЕ

Уходить мне на работу надо,
У дверей из стульев баррикада,
А за нею дочка, пальчиком грозя,
Говорит мне ласково:

— Нельзя.

Медленно идут переговоры,
Я иду, и смотрит дочь с укором.
Я иду и слышу позади:

— Не ходи.

Солнце плыло в пелене тумана.
Уходить собрался нынче рано.
Бушевала ненависть во мне:
Я услышал вести о войне.

И спросил я:
— Доченька, отрада,
Я пойду на фронт?
Сказала:
— Надо.
Потеплело у меня в груди...
Помолчав, добавила:
— Иди...

СКОРО ВСТРЕЧА

Полк идёт крутой дорогою,
У зелёного гольца...
Льётся песня по отрогам,
Льётся песня без конца.

Думы, песню обгоняя,
Унесутся в дальний край:
— Скоро я вернусь, родная,
Мужа, милая, встречай.

Боль разлуки скоро минет,
Был в бою,
Был грозен бой...

Крепко-накрепко обнимет,
Скажет:
— Здравствуй, сокол мой.

Скажет:
— Здравствуй, мой хороший.
Дни разлуки, словно ночь...
Сын ведёт лихую лошадь,
Куклу тянет крошка-дочь.
Сын ручонкою потрогает
Орден на груди отца...
Вьётся горная дорога,
Льётся песня без конца.

М. Рыбаков

УЛИЦА ПЯТОЙ АРМИИ

Шла Пятая армия улицей этой,
Стучали по камню колёса орудий,
И красных давно ожидавшие люди
Спешили по ней со словами привета.
И с боем прошедшие всеми путями,
Пробитое знамя пронесшие гордо,
Весёлые, с песнями шли иркутяне
Знакомою улицей старого города.
Под белой пятою она одичала,
Поникли дома, покривились ворота...
И мама сына со слезами встречала
У церкви, с которой снесли пулемёты.
Походные кухни гремели вприпрыжку,
Как будто от сна раскрывались окошки,
И первые вестники славы—мальчишки
Свистели под такт переливам гармошки.
А там, за рекою, одетые паром,
Ещё эшелоны вели паровозы.
На белых сугробах сегодня недаром
Знамёна пылали, как алые розы.
Хозяин на улице—он её сделал,
Он этим домам и дорогам наследник,—

Рабочий народ не случайно гремел
В Иркутске в тот день: «Это есть наш последний»...

С окраин встречать прибежавшие дети
Отцовскую твёрдо держали винтовку...

По ней провезли Колчака на рассвете
Прямую дорогою за Ушаковку.
Он был одиноким на улице строгой,
Навеки былое она позабыла,
Последним из бар он проехал дорогой,
Где Пятая армия проходила.

Ин. Луговской

БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

Зазвенело лето,
И пришла забота—
Сивогривый, мне ты
Померещил что-то.
Маревные пади,
Глубь дороги пыльной,
В бесконечной глади
Пережат ковыльный.
Коршунье у речки,
Соколы—над нивой,
Перезвон уздечки
И галоп спесивый
С разговором важным,
С важною посадкой,
С позывом протяжным,
С песенкою шаткой,
С кривью шаловливой
Полевой дороги
Мой ты, сивогривый,
Мой ты, легконогий.

* * *

Золотые гречи,
Гречи золотые.
Не устанут плечи,
Силой налитые.
В голубом июне,
Когда знойны дали,
В душное безлунье
Вас мы распахали.
Остроносый лемех
Режет землю с хрустом.
В согнутых коленях
Ноющая усталь.
Но смотри: елани
Под росой остыли
И в кустах шаманит
Пучеглазый филин.
Ночь легла на гривы,
Близок сон желанный,
Мой ты, сивогривый
Мой ты, неустанный.

* * *

Помнишь, как в двадцатом
Свистнули бураны,
Из тайги мохнатой
Вышли партизаны?
По дорогам взрытым,

По глухим долинам
Ты звенел копытом,
А я карабином.
Помнишь, как тонули
Мы в волнах Онона?
Нас чесали пули
Унгерна-барона?
Как в степях носились
Перелётным ветром,
За спиной ложились
Сотни километров?
Помнишь боль и раны?
Бурные набеги?
Дымные таганы?
Шумные ночлеги?
Канонад раскаты?
Зарева пожарищ?
Помнишь ли двадцатый,
Верный мой товарищ?

* * *

Искосилась баня
Ведьмой из полыни...
Где же твой хозяин,
Сивогривый, ныне?
Вечером забытым
Под совиным стоном
Отчего же ты-то
Не заржёшь со звоном?
Отчего ты, сивый,

Радостью гонимый,
Не промчишь спесиво
По меже любимой?
Замолчали межи,
Заблудилось эхо—
Некому понежить,
Некуда поехать...

* *
* *

Невозвратно годы
Канули в забытье—
Журавлиным летом.
Журавлиной нитью.
На столе письмо мне,
Почерк торопливый:
— Уж давным-давно твой
Потерялся сивый...
Маревные пади,
Глубь дороги пыльной.
В бесконечной глади
Пережат ковыльный.
Стройные берёзы
Нарядились в гости.
Где-то дождь раскосый
Моет твои кости?
Встали снова годы
Заревом пожарищ...
Где нашёл ты отдых,
Боевой товарищ?

РАСПЛАТА

Рыдая, пролетел снаряд.
Взметнулся чёрный ветер в поднебесье
И вот—
Осталась о тебе лишь песня
Да бесшабашный твой отряд.
Могильный холм. Ораторские взмахи.
В тумане скорби прячутся глаза.

Толпятся многошумные леса
И лентами увитые папахи.
Снаряды, ухая, копают рвы.
Костром сгорела сумрачная рана.
Товарищи!
Папахи с головы—
Любимого не стало партизана.

* * *

А там, где даль пожарами цвела
И батареи грохали сердито,
Раскачивались синие тела
Под озверелым шомполом бандита.
В детей стреляли под весёлый смех.
И вот полковник—борода по пояс—
У бога выпросив молитвами успех,
С пехотой двинул бронепоезд.

* * *

Шумят пургой летучие полки.
Бока коней затиснуты в колена.

И точатся старинные клинки,
Овеянные порохом Мукдена.
Казак, казак,
Зачем ты бросил крик
И сердце огненной атаке вверил?
За сосняком наёмный броневик
Ползёт бесчувственно тяжёлым зверем.
Смотри, смотри.
Везде темно и поздно.
Тайга бежит провалами трясин
И колет пиками сухих лесин
Далёкие ласкающие звёзды.

* * *

Шарахнулись кони
В ожогах хлыста,
В безумном разгоне
Заплакала сталь.
Кидайся в атаку,
Дорогу клуби,
Налево, направо,
Братишка, руби!
Погоня. Полковник,
Словно в тифу,
Бросает погоны
Полковник в траву.
Любой из курганов,
Любой из пеньков
Грозит партизаном
И свистом клинков.
За плети, за раны,

За пытки, за кровь,
За смерть партизана,
За вой шомполов,
За боль, за расправы,
За слёзы обид—
Налево, направо,
Братишка, руби!

.
Темнеется в логе.
Полковник поник.
Не вынесли боги,
Не спас броневик.

* * *

Ушли...
Цементными рядами
За юность юность унесли.
И над безвестными холмами
Склонились думно ковыли.
Не позабыть таёжным зыбям,
Не рассказать седым гольцам,
Каким огнём, винтовки дыбя,
Цвели тела, цвели сердца.
Ах, мать, не плачь.
Зачем ты плачешь?
Бойцы в других живут всегда.
И будет счёт за них оплачен,
Чтобы не плакать никогда.
Не плачь.
Их скорбные могилы
Стоят подобно маякам,

Они недолго в мире жили,
Но отдана их жизнь векам.
Они живут с тобой и с нами,
И знамя их мы понесли,
И пусть над дымными холмами
Чуть слышно дышат ковыли.

ПЕСНЯ О ПОЛКОВОМ ЗНАМЕНИ

Шёлковое знамя
Шелестит над нами.
Путь-дорога дальняя вьётся широка.
Где мы не ходили?
И кого не били?
Гей, под красным знаменем нашего полка.

Пулями пробито,
Ливнями омыто,
Ты отцов водило в бой на Колчака.
За святое дело
Бились они смело,
Гей, под красным знаменем нашего полка.

Смело воевали—
Строго приказали:
Чтоб стояла Родина долгие века,
Чтоб лихой порою
Встали мы стеною,
Гей, под красным знаменем нашего полка.

Вот и боевое
Время грозное:

Пёс фашистский просит пули и штыка.
Стройтесь, наши роты.
К бою, пулемёты,
Гей, под красным знаменем нашего полка.

Ты, земля родная,
Сердцу дорогая,
Бить нам без пощады лютого врага.
В грозный бой идём мы,
Смерть за смерть несём мы,
Гей, под красным знаменем нашего полка.

Взвейся, наше знамя,
Сталинское знамя,
Держит тебя крепко сильная рука.
Ну-ка, в путь дорогу,
Ну-ка, твёрже ногу,
Гей, вперёд под знаменем нашего полка.

20715

2931

Анатолий Ольхон

СИБИРСКАЯ ПРИМЕТА

Колчак мобилизует...

1

Настежь распахнулись в казарме ворота,
Гонит новобранцев конвойная рота,
Гонит Колчаку пушечное мясо.
Старый штабс-капитан рывкает басом,
Горячит коня над людской оравой:
— Левой, правой...
— Левой, правой...
Ветерок гудит. Слякоть и стужа.
Расползлись ряды, хлюпают в лужах.
Посредине двора сгрудились стадом,
К сырой земле насупились взглядом.
У них, у всех головы никнут,
Стоят и молчат, стоят и не пикнут.

Прощай семья, жена-молодайка.
Заставит служить пуля-нагайка.
Метлой метёт деревни и сёла,
Шумит Сибирь молвой невесёлой.

Что ни день—набор, берёт не считает,
Адмиралу Колчаку солдат нехватает.

И куда берут?

И куда ведут?

Унтера палачи,
Хоть криком кричи...

.....
Взглянув на штыки,
Хмурые парни,
Подтянув ремешки,
Заходят в казармы.

Тоска в глазах,
Тёмные лица.
Убежать нельзя,
А надо бы скрыться.

Наморщил лоб
Высокий детина:
— Попался в гроб,
— Голова-осина.
Говорили дураку
Старики-смутьяны:
— Чем служить Колчаку,
— Лучше в партизаны.

Не послушал, вот
Мобилизовали,
Подтянули живот,
В зубы насовали.

Наморщил лоб
Высокий детина:
— Не готов наш гроб,
— Не смерть, кручина.

— Держись на-чеку,
— Поживём, увидим,
— Царьку-Колчаку
— Вспомним обиды...

2

Поручик-колчаковец играет пером,
Лощёную голову нагнул над столом,
В зубах сигаретка японская тлеет:
— А ну, по одному, подходи смелее...

Топчется на месте людская лавина.
С правого фланга подходит детина
В заячьей шапке, в дырявых опорах,
Старая шинелка в заплатках и в сборках.

Ростом—сажень, хоть дорогу мерь,
Встал, как столб, а глядит, как зверь.
— С такими новобранцами Москву заберём...
Поручик-колчаковец играет пером.

— Имя и фамилия?
— Пётр Стрижков.
— Возраст?
— По паспорту двадцать лет.
— Рост?

- Три аршина без двух вершков.
— Особые приметы?
— Нет.

- Нет и не надо, пойдёшь в работу.
— Унтер, отведи в пулемётную роту,
— Там лошадей нехватает в поход,
— Парень пригодится таскать пулемёт...

Идут эшелоны...

1

Ухает, свистит, спешит паровоз,
Вёрсты вырываются из-под колёс,
Люто громыхают, дрожат мосты,
На станции Иркутск стоят посты.

Стоят посты, охраняют путь...
— Дайте-ка, ребята, и мне взглянуть...
Высунул голову Пётр Стрижков:
Глазом не окинуть чужих штыков:

Сабли, винтовки,
Нашивки, шевроны...
На изготовке
Стоят эшелоны.
Глухие, броневые,
Высокие и длинные,
Гремучие стальные
Платформы орудийные.

(Ревучим переливом
Свистят локомотивы).

Кружится в глазах
Иркутский вокзал.
Спросить бы кого,
Да спросить нельзя.

— Эх, и тяжела подневольная доля,
— Продали Россию, родную, что ли?..

Пальцы в кулаки сжимаются сами.
Плещет над вокзалом трёхцветное знамя,
Ульем потревоженным шумит перрон,
Куда ни взглянешь—блестит погон.

Господа офицеры суетятся, бегут,
Шпорами позвякивают, честь отдают...
Дивятся новобранцы:
Сколько иностранцев,
Сколько собралось чужеземных штыков.

Голову повесил Пётр Стрижков.
Сжал кулаки так, что хрустнули кости:
— Вишь они, хозяева—незванные гости,
— Жируют, паразиты, в чужой стране,
— А мы, мужики, погибай на войне.
— А за что погибать?
— Не за них ли воевать?

Кружится в глазах
Иркутский вокзал.

Спросить бы кого,
Да спросить нельзя.
Думай как хочешь;
Учись, понимай,
На ус наматывай,
Гляди не зевай:

Слава колчаковская понятна, тут—
Русских
Иностранцы на Россию ведут!

Сибирский фронт

1.

В соснах перепутались узоры троп,
Налево—болото,
Направо—окоп,
К югу—перелесок, а в нём дозоры,
Цепи охранения да волчьи норы.

Ветер ледяной над землёй несётся,
Ниточка окопов в болоте рвётся,
Холодно, замызгано, загажено кругом,
Издали гудит орудийный гром,
Тёмный, невесёлый навис горизонт.
Вот он каков—Сибирский фронт.

Первая линия. Окоп номер шесть.
Тесно и низко. Ни встать, ни сесть.
Чвакает грязь на солдатских ногах.

Тявкают винтовки бах-бах-бах...
Рвутся шрапнели, как тёмные звёзды.
Красные громят пулемётные гнёзда...
Старший наводчик к затвору льнёт,
Ленту ковыряет и жизнь клянёт:
— Ваше благородье, такое дело,
— Никак не направлю, опять заело.

Ротный
Пулемётный,
В сапогах болотных,
Выгнулся дугой, задрожал, покраснел,
Поднял стэк, поправил пенсне.
Старшего наводчика хлестнул с размаху.
Сшиб с него лохматую шапку-папаху:
— Сукины вы дети, стрелять не хотите?
— Сказано, затвор, как глаза, берегите!
— В гости что ли ждёте друзей-большевиков?
— Где этот верзила, как его?.. Стрижков!
— Бери пулемёт и тащи в блиндаж,
— Прапорщику срочно в ремонт отдашь...

2

Сумрачный полдень. Дымится кухня,
Кашу раздаёт кашевар рябой.
Сбоку трёхдюймовка то свистнет, то ухнет,
Где-то на флангах начинают бой.
Гулко тарахтит пулемёт у болота,
Кое-где винтовки лениво строчат,
В очередь обедает тринадцатая рота.
Красные окопы сурово молчат.

Пётр Стрижков опрокинул манерку,
Вытер ложку, сунул в сапог,
Плотно затянул под ремёнь шинелку,
Протяжно позевал и взглянул в щиток...

Бурые кочки в колючем узоре,
Лысые кусты, переплёты троп,
Чахлые лиственницы на косогоре
И прямо, напротив, красный окоп.

Тысча шагов—как тысяча верст...
Может быть, гранатой хлестнуть готовы?
Может, на прицеле держат пост?
Взглянуть бы поближе,
Спросить бы, кто вы?..

Толкуют колчаковцы, что красные—звери,
Резут пленных, деревни жгут.
Слушаешь, не знаешь, как и верить.
Конечно, колчаковцы солдатам врут.

А если нет?
Куда податься?
Назад идти—попадёшь в расстрел.
Боязно, однако, и в плен сдаваться...
Долго Стрижков сквозь щиток смотрел.

Выставил голову над самым окопом:
— Пуля так пуля, судьба моя...
Глядь, и красные высунулись скопом,
Пальцами манят, смеются, шумят...
Рванулся Стрижков, замахал папахой.

Вдруг кто-то больно дёрнул плечо.
Скатился за бруствер.
Глядит—Елпахин,
Земляк, пулемётчик.

— Ты, паря, чо?
— Сдурел или нет?
Командиры бродят,
Стащат в контрразведку того и гляди.
Знаешь, каковы их благородья...
Сейчас не время ещё, погоди.

У многих, у нас, такая дума.
Понял? Ну, то-то. Теперь шагай...
Да только смотри, Петруха, без шума,
Рот не особенно раскрывай...

3

Ночь над тайгой, как шкура медвежья,
Поздняя осень. Ледок. Бесснежье.
Голые деревья. Земля мертва.
Инеем сухим сожжена трава.

Первая линия. Трещит перестрелка.
Взвизгивают пули. Стучит скорострелка
Снаряды вырываются снопами света,
В небе над тайгою дрожит ракета,

Падают, колышутся блескучие звёзды,
Дула пулемётов затаились в гнёздах,
Ждут наступления. По слухам—скоро...
Красные заняли соседний город.

Катится фронт на восток, к Енисею.
Катится фронт и тревогу сеет.

Сегодня приказано—заслоном встать,
Армию Советов задержать и смять.
Рычат скорострелки, снаряды бьют.
Деревья взлетают то там, то тут—
В щепы крушит вековые сосны,
С корнем рвёт кедроч малорослый.

Фронт задыхается, воеет, стреляет.
Красная Армия опять наступает.

4

Пётр Стрижков поставил пулемёт,
Только закурил—командир идёт:
— Бросай курить, отступаем дальше,
— Бери пулемёт и... походным маршем...

Топают вразброд отупелая пехота,
Первая, восьмая, двенадцатая рота.
А вот и пулемётчики.
Прибавил шагу,
Ноги ободрал, налетел на корягу.

Поставил пулемёт, свернул цыгарку.
Опять командир за спиною гаркнул:
— Что ты отстаёшь, вставай, обормот,
— Бросай курить, тащи пулемёт...

Ночь на исходе. Бледнеют дали,
Люди измотались, едва дошагали.

Новые позиции у самой реки.
— Авось, не догонят большевики...

Костры запылали, забулькал чай.
Чу! Скорострелки опять рычат,
Хлопнули винтовки калёной стужей,
Красный самолёт высоко кружит.

— Вот тебе и отдых,
— Вот тебе и чай,
— Начнёт бомбить—только смерть встречай!
Пётр Стрижков залез под кустик,
Бомбы ждёт:—Сейчас «он» спустит...

Низко-низко гудят моторы.
Люди забиваются в кусты и в норы,
Мёрзлая земляца смертью пахнет,
Ждут солдаты:—Сейчас «он» ахнет...

Красный лётчик землю бреет,
Соколом бесстрашно над фронтом реет.
Ниже и ниже...
Не слышно мотора...

И вдруг развернулся,
Рванул с упора,
Взмыл высоко в проясневшее небо...

Рядом со Стрижковым забасил фельдфебель:
— Вставайте, ребята, спасибо красным.
— Перепугались-то мы напрасно.
— Крикнуть ему бы?

— Куда там, поздно!
В небе весёлый летел красноезвёздный,
А по земле, на кусты, на винтовки
Падали белые птицы-листовки.

Жадной рукою схватил Стрижков
Пару крутящихся в вихре листков,
Вскользь пробежал помутившимся взглядом:
— Русскую кровь проливать не надо!
— Братья, солдаты, идите к нам!
— Верьте, товарищи, большевикам!

«Шарабан»

1

Карта штабная—десять вёрст.
Приказ комфронта отменно прост,
Лучшие части собраны в кулак,
Дело решается, примерно, так:

Отборная пехота и казачьи дивизии
Двинутся клином в шесть утра,
Когда же резервы на линиях сблизятся,
Бой на флангах начнут юнкера.

Первый удар—артиллерийская лава.
(Снаряды японцами доставлены в срок!)
Обстрел по фронту слева и справа:
Красных зажать в огневой мешок.

В центре наступления поставить пулемёты
(Лёгких—четыреста, тяжёлых—до двухсот)
В итоге операции—занять высоты.
Пленных не брать. Отступающих—в расход.

2

- Что ж, господа, приказ не плох.
— В четыре выступим... Дай-то бог...
Начальник участка номер шесть
Поднял бокал:—за вашу честь!
Чокнулись, выпили.
Выпили, крякнули.
Чьи-то шпоры под креслом брякнули:
— На нашем участке положение ясно,
— С помощью Каппеля задержим красных...
— А как пулемётчики?
— В лучшем виде!
— Есть ненадёжные?
— Таких не видел,
— У меня исключительно одни сибиряки:
Рослые, спокойные и... все дураки.
Один, например, из таких мужиков,
Не помню фамилию, кажется Стрижков.
Представьте, господа, великан-детина,
Ростом—сажень, умом—дубина,
Сила—медвежья: деревья рвёт.
Таскает на руках станковый пулемёт,
Заменяет лошадь...
— Не может быть!
— Могу показать!..

— Ну, давайте пить,
— Потом посмотрим...
— Господа офицеры,
— За Сибирь!
— За родину!
— За веру!..

«Ах, шарабан мой—американка,
Святой Георгий и шарлатанка!

С трёхцветным флагом,
Победным шагом
Пойдём мы в ногу,
Вперёд! Дорогу!

Ах, шарабан мой—таратайка,
Что будет завтра
Ах, угадай-ка!»

. 3

Господа офицеры пируют, поют,
Французские вина по-русски пьют,
С грохотом на пол летит стакан.
Песня сегодня одна: «Шарабан».

Час по-полуночи. Костры не дымят.
Рыхлый снежок сапогами примят.
Дремлет на линии усталая пехота,
Дремлет в окопе пулемётная рота.

Тучи разбухают. Меркнет луна.
Вьюжная, белёсая летит пелена.
Тихо на фронте.
Тихо в тылу.

Смотрят часовые в таёжную мглу.
Смотрят часовые,
Чего-то ждут.
Команды не слышно,
А люди встают...

Вот лошадей привели коноводы,
Строятся в шеренгу пехотные взводы,
Винтовки в порядке, штыки блестя,
Шинели подтянуты, как на парад.

Кто-то закричал и затих, подавился.
Штабс-капитан под штыком свалился.
Кого-то скрутили. Опять тишина.
Час по-полуночи. Меркнет луна.

Пухом гусиным скользит снеголёт.
Сумрак командует:
— Взять пулемёт!
— Ну-ка, Стрижков, торопись, помоги,
— К штабу шагай да затвор береги...

4

Господа колчаковцы поют «Шарабан»,
Час по-полуночи. Пьяным-пьяно.
Командир бригады поднял стакан,
Плещет на скатерть шипучее вино:

— Господа командиры,
— За Русь, за веру!

- За наших союзников! (Ура! Ура!)
 - Сегодня раздавим красную химеру
 - Завтра на Москву!.. (Ура! Ура!)
 - Господа, за победу!..
 - А где денщики?
 - Пьянствуют где-нибудь,
 - Надо проверить...
- Дверь распахнулась. За дверью—штыки.
- Смирно стоять, господа офицеры!..

Пулемётчик Елпахин вышел вперёд.
 С дребезгом хрустнула стёклами рама:
 На подоконнике встал пулемёт,
 Рыло стальное нацелил упрямо.

- Смирно стоять, господа офицеры!
- С места не двигаться... Руки вверх!
- Не шевелиться! Гляди, кавалеры,
- За одного—упокою всех!

— Стрижков, покажи им себя!..
 Из окошка
 Грохнула очередь, гром—в потолок.

Господа колчаковцы присели немножко,
 Начальник бригады дуло в висок:
 Хлоп!
 Повалился лицом на бутылки,
 Жалобно звякнул разбитый стакан,
 Офицера повернули затылки.
 ...Вот он, выходит, каков «Шарабан».

Приметы сибиряка Стрижкова

1

Ветер предрассветный позёмку гонит,
Лиственницу тонкую к сугробу клонит,
Мелкий перелесок. Торчат кусты.
Белые окопы давно пусты.

Ушли артиллеристы—
Проворные люди,
С собою унесли
Замки от орудий.

Ушли пехотинцы
Колонной, повзводно,
С красными флагами,
Маршем—свободно.

Ушли пулемётчики
Целыми ротами,
Целыми ротами
Вместе с пулемётами...
С собою командиров своих ведут,
Солдатскую песню поют на ходу:

«...Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся...»

Слышно, командует Пётр Стрижков:
— Шагай, благородье, не жалей сапожков,
Что ты спотыкаешься, иди веселей,
Красные сегодня ждут гостей...

2

Алые знамёна. Портрет Ильича.
Столик походный. Горит свеча.
В штабе авангарда
Армии Советов
Утро начинается
Ещё до рассвета.
Писарь кудреватый сидит за столом,
Слушает, как речь закрутил политком:
— Крепко толкует товарищ Градов,
— Речь для перебежчиков вышла что надо...
Слушают солдаты простые слова,
Слушают, и кружится у них голова,
Впервые митингует
Пулемётная часть.
— Да здравствует родная, советская власть!
— Да здравствует партия рабочих и крестьян!
— Сбросим интервентов штыками в океан!..
Кончил политком,
Утирается платком.
Глаза у пулемётчиков огнём горят.
Пётр Стрижков выдвигается рывком:
— Товарищ комиссар, принимай в отряд.
Икупим невольную свою вину,
Возьми нас, комиссар, с собой в бой.
Кровью чужеземной тебя помяну,

Веди, большевик, пойдём за тобой...

Взглянул политком:

— А ты, брат, с огоньком.

Ну, что же, отберём боевых ребят,

Пойдёмте в подкрепление с моим полком.

Составим список.

Начнём с тебя...

Имя и фамилия?

— Пётр Стрижков.

— Возраст?

— Исполнилось двадцать лет.

— Рост?

— Три аршина без двух вершков.

— Особых примет

Нет?

— Стой, товарищ, не так спеши,

Особые приметы есть.

Пиши!

Сибирской приметы не надо гнушаться.

Сибирь колчакам не желает даваться,

И как ты сказал, иноземную свору

Потопим в Байкале мы без разговору.

Мы—русские! Нам с колчаками—не жить.

Советским солдатом я буду служить.

Я был—вместо лошади, стал—человек.

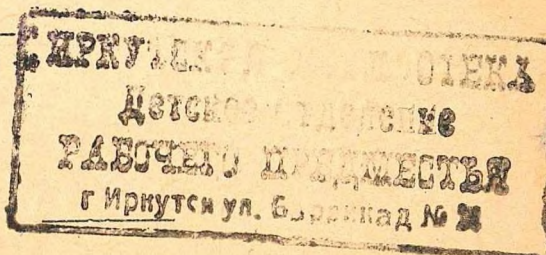
И это запомни, товарищ, навек,

Примету пиши:

Пётр Стрижков—

За большевиков!

Восточная Сибирь
1938—1940

СОДЕРЖАНИЕ

ст. Седых	
Свадьба	1
В девятнадцатом	4
Холм	5
Боевые друзья	6
Сивая борода	10
Колхоз имени Телегина	12
Долчанов-Сибирский	
Голуби на подоконнике	16
Сказ о Бонивуре	17
Партизанская вечерняя	19
Разрешенье	20
Скоро встреча	21
М. Рыбаков	
Улица Пятой Армии	23
Н. Луговской	
Боевой товарищ	25
Расплата	29
Песня о полковом знамени	32
Анатолий Ольхон	
Сибирская примета	34

Редактор А. Шмаков
Техн. ред. Т. Трушкина

дп. к печати 27/II-1945 г. Печ. л. 1.6. Уч. изд. л. 2. Заказ № 24 0.
Тираж 5000. НЕ 00322

Отпечатано в 1-й Государственной типо-литографии,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11